

Основные тенденции критики священства в современной России как результат разрыва между духовенством и народом¹

Иерей Е.В. Шилов

В данном обзоре предлагается попытка рассмотреть основные тенденции критики священства в современной России, которые видятся следствием той дезинтеграции Церкви и общества, духовенства и народа, которая оформилась в начале XX века, и до сих пор до конца не преодолена. Если до начала XX века священник не мыслил себя вне общества, он видел и понимал свое место в нем, то после отделения Церкви от государства, народ перестает понимать значимость священства и его роль в современном обществе. Тем самым, сама критика часто является результатом подобного непонимания: кто такой священник? какова его роль и функции? До сих пор российское общество не имеет однозначных и ясных ответов на этот вопрос, что приводит к необоснованной зачастую критике. В этом отношении личность священника кажется весьма показательной, поскольку показывает тот разрыв, который будет преодолен нескоро. Если раньше священник был органичной частью общества, и сам видел себя таковым, то теперь священник превращается в своего рода изгоя, не находящего себе места в обществе и не понимающего, что и как он должен делать. Либо же он должен настолько слиться с обществом, что практически он утрачивает себя как священника.

Сам обзор состоит из двух частей. Первая – теоретическая – представляет собой «историю разрыва» между духовенством и народом, который закладывается реформами Петра I, и приводит к своей кульминации к началу XX века. Происходит постепенное разобщение между священником и его паствой, и тем самым меняются взгляды как пастыря на самого себя, так и паствы, которая лишена какого бы то ни было духовного руководства. Вторая часть – «практическая» - посвящена выделению основных тенденций критики современного духовенства, опираясь на тексты политологов, социологов, религиоведов (не принимая во внимание огромное многообразие интернет-ресурсов), которые видятся как результат вышеуказанного разрыва и возникшего в результате него непонимания.

---

¹ Исследование осуществлено в 2016 году в рамках проекта "Священник перед лицом современности" при поддержке Фонда Развития ПСТГУ.

Пережив 70-летние гонения и критику Церкви и духовенства, которые были частью идеологической программы Советского Союза, после перестройки и распада страны все чаще становятся слышны выпады и обвинения против Церкви и священства. Иногда данная критика справедлива, когда священство, которое, с точки зрения народа, должно быть «образцом добродетели» и «примером для подражания», не является таковым, давая повод к упрекам в отношении всей Церкви как институту. Но зачастую, как это видно из многочисленных источников в средствах массовой информации, в медийном и публичном пространстве, образ священника кажется весьма неопределенным и аморфным понятием для народа. Люди не знают священника, не понимают его служения, не считают его своим «выразителем» и «примером», поскольку между пастырем и паствой не существует того единства, которое существовало и было нормой для дореволюционной России. В наше время священник оторван от народа, и та критика, которая возникает в отношении служителей Церкви, чаще всего вызвана незнанием и непониманием роли духовенства в современном обществе. С другой стороны, сам священник в наше время не находит себе места среди людей, и если раньше он был полностью интегрирован в обществе, то теперь он вырван из общественной жизни, локализован в гетто, что приводит к определенным деформациям в самосознании самого священника. Будучи оторван от народа и лишен своей паствы, он дезориентирован и буквально нащупывает пути для своей деятельности и реализации своего потенциала.

Можно предположить, что современная критика священства является результатом той дезинтеграции, того разрыва между служителем Церкви и народом, который оформился окончательно в начале XX века, но который имел определенную динамику и развитие.

В XVIII веке, в результате Петровских реформ, священство становится определенным сословием. И именно эта кастовость и сословная замкнутость впервые формально отделяет священство от крестьянства, народа, с одной стороны, и интеллигенции и аристократии, с другой. И духовенство становится неким средним звеном между низшим классом, к которому оно уже себя не причисляет, и высшими классами общества, которые, в свою очередь не считают его своим. Более того, само государство своим законодательством ограничивает вход и выход из данного сословия: оставивший духовный сан и духовное ведомство терял все привилегии, приобретенные во время службы². Чаще всего священство переходило по наследству, и говорить о каком бы то ни было *призвании* (в высшем смысле этого слова) в большинстве случаев было бы неправомерно. Священство было не вопросом

---

² См.: Белоногова Ю. И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века. (По материалам Московской епархии). – М.: Издательство ПСТГУ, 2010. С. 35.

призвания, а вопросом выживания: чтобы прокормить себя и свою семью, необходимо было оставаться в рамках сословия практически без права выхода из него³.

Будучи отчужденным от крестьянства, обособляясь в отдельное от него сословие, священство, одновременно с этим, уполномачивается государством надзирать за ним. В XVIII веке на пастыря возлагаются не соответствующие его сану полицейско-сыскные обязанности. Эти новые функции, ранее ему не свойственные, постепенно подрывают его авторитет. Священник теряет доверие народа и постепенно порывает нравственную связь с ним⁴. Прихожане начинают относиться к духовенству недоверчиво, подозрительно, иногда враждебно⁵. Священник воспринимается как наемник, государственный чиновник, один из представителей власти. И это ведет к еще большему отрыву духовенства от народа: священник становится чуждым крестьянству не только культурно (как представитель иного сословия), но и морально (как представитель власти).

И третьим моментом, возможно, самым главным, приведшим, в конце концов, к явному отделению духовенства от народа, была материальная недостаточность служителей Церкви⁶. «Материальное положение нашего духовенства не из завидных, - сообщают «Московские церковные ведомости, - Небогато живут наши сельские священники; только при деревенской простоте жизни и можно сводить концы с концами. Притом это скудное обеспечение дается со страшною тяготою и постоянными уколами совести: и у народа ничего нет, а священник все же должен с него брать»⁷. Народ не поддерживает духовенство, не помогает ему материально, а священнику, кроме содержания храма, необходимо прокормить семью, дать образование детям, что для крестьян остается непонятным. Священник не может жить, как крестьяне, и не умеет так жить.

Духовенство вынуждено искать другие источники доходов. В первую очередь, это обработка земли или сдача ее в аренду. По мнению П. В. Знаменского, занятие сельским хозяйством ставило духовенства в один ряд «с рабочим классом; это отвлекало духовное

---

³ Даже уходя из своего сословия, попovichи тем не менее сохраняли традиции отцов в своих моральных принципах и идейных воззрениях. Общность воспитания и образования попovichей формировала их самосознание как весьма однородной группы интеллигенции, противостоящей по своему этосу интеллигентам-дворянам. В отличие от дворян, проникшихся западными культурными нормами секулярной цивилизации, попovichи были уверены в своей роли лидеров русского народа на пути к построению рая на земле, для них было характерно авторитарное мышление и стремление подчинять личные интересы общественными. См.: *Манчестер Л.* Попovichи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России/ пер. с англ. А. Ю. Полунов. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 448 с., илл. – (Серия HISTORICA ROSSICA).

⁴ См.: Там же. С. 132. Также ср.: *Семенова-Тян-Шанская О.* Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. – М.: Изд-во «Ломоносов», 2010.

⁵ С. 138.

⁶ См.: *Розов А. Н.* Священник в духовной жизни русской деревни. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 39.

⁷ Необычные для нашего времени речи // *Московские церковные ведомости.* 1906. № 31. 6 августа. С. 313.

лицо от исполнения его прямых духовных обязанностей и унижало его, делая ничем не отменным от мужика»⁸. Именно здесь мы видим появление той дихотомии (священник *сословно* выше крестьянского и рабочего класса, а *формально* он относится к нему), которая – в несколько трансформированном образе – возродится в наше время. В конце XIX – начале XX вв. священник, с одной стороны, видит себя частью народа, выразителем его надежд и чаяний, с другой же стороны, он отличает себя от народа, он должен быть по своему статусу (по своему сословию) над ним: пастырем, учителем, наставником, утешителем, ходатаем, посредником. Соответственно, и критика священства также двояка: с одной стороны, народу не нравится, что священник, будучи представителем народа и его членом, отличается от него своими интересами и запросами (читает, выписывает журналы и книги, дает образование своим детям). С другой стороны, крестьяне не могут священника считать своим, потому что сословное деление четко различает их. Тем самым, священник для крестьян одновременно и свой, и чужой. Духовенство, со своей стороны, осознает себя практически так же.

Священник начала XX века зависит от своего прихода и своих прихожан. Он болезненно осознает свое положение просителя. «Материальное положение клириков зачастую оказывалось столь затруднительным, что вынуждало их искать дополнительный заработок, ради которого, помимо сельского хозяйства, клирики преподавали в школах, занимались письмоводительством в благочинных и волостных правлениях, клали печи, торговали, подрабатывали по найму у крестьян. Такой расклад дел сказался на их пастырском служении и наносил непоправимый урон их авторитету в глазах прихожан»⁹.

«Крестьяне не считают грехом ругаться со священником скверными словами, а не подойти под благословение, не поклониться ему, заиграть на гармошке во время шествия священника с иконами и крестом, скрыться от него, чтобы не платить за молебен, не заплатить денег за требу или обмануть его при этом и заставить его ехать на требу на наемных лошадях, - все это явления обыденные»¹⁰.

Духовенство начала XX века воспринимало свое положение и внебогослужебные обязанности как настоящую трагедию. «Священное служение было для духовенства не прибыльным и не надежным средством существования, а некой неизбежностью»¹¹.

---

⁸ Знаменский П. В. Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. СПб., 2003. С. 118.

⁹ Белоногова Ю. И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века. С. 57-58.

¹⁰ Куппетский М. Церковно-религиозная жизнь в России // Церковные ведомости. 1898. № 1. Приложение. С. 99.

¹¹ Белоногова Ю. И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века. С. 63.

«Материальная скудость делала священнический сан не только наследственным призванием, но и практически единственным способом существования»¹².

Епископ Минский Михаил (Темнорусов) писал: «Один благочестивый наблюдатель приходской жизни в нашем крае с грустью однажды сказал нам, что все зло в том, что в нашей деревне живут два одинаково голодных волка – поп и мужик, которые, будучи обречены жить на те скудные средства, которые дает деревня, и не имея никакого источника дохода извне, должны пожирать друг друга»¹³.

Тем самым, к началу XX века разрыв, предпосылки которого были заложены еще двумя веками ранее, между священством и народом становится очевидным и неизбежным. И революция довершила этот слом, не только уничтожив сословное деление, но и поместив священника в гетто как противника государственной идеологии, насаждающего «опиум для народа» и являющегося его «врагом». Советская пропаганда опошшила образ священника: священник представляется толстым, жадным, не лояльным к власти человеком, который ни во что не верит, но обманывает всех. Уже в начале века новейшее освободительное движение создает «галерею отрицательных типов русского духовенства». Священнику, вызывавшему у читателей отвращение, противостоит святой революционер, порядочный, добрый и благородный¹⁴.

Проф. А. Бронзов в «Церковном вестнике» за 1909 г. в цикле статей, посвященных духовенству, писал о том, что произошло после «разразившейся революции»: «Начался какой-то «кавардак», и прежде плохо оплачивались требы, а теперь и вовсе перестали оплачиваться. А если и оплачиваются труды духовенства, то происходит это часто в форме какого-то издевательства. Священник, диакон, псаломщик совершают требу, для чего теряют время, - иногда, кроме того, принуждены ехать довольно далеко... А в результате гривенник на всех. Делите как знаете и живите как хотите. А если попробуете устыдить столь щедрого прихожанина, то услышите от него: «Не козырься, батя», иначе-де и этого не получишь, «нынче свобода»»¹⁵.

Усугубляет это положение коренная трансформация приходской жизни и активизация роли старосты. Эта должность впервые была введена Указом Петра I в 1721 г., но в начале XX века она радикально меняется. Чаще всего это был зажиточный и имевший авторитет среди крестьян человек, который часто был инициатором доносов и гонений

---

¹² Там же. С. 66.

¹³ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. М., 2004. Т. 1. С. 75-76.

¹⁴ Там же. С. 123.

¹⁵ Церковный вестник. 1909. № 13-14. 27 марта. С. 416 // Цит. по: Белоногова Ю. И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века. С. 94.

священников. Большая часть доносов данного периода имели ложный характер¹⁶. Тем самым, с приходом советской власти, образ священника перестает восприниматься как авторитет и образец, и превращается в глазах общества в убогую карикатуру агитационных плакатов. И если раньше духовенство было интегрировано в жизнь общества, тот теперь оно вытеснено из него, что вызывает определенные деформации как в сознании самого священника, так и у народа. Если раньше священник был «отцом народа» и представлял народ везде: в учебных заведениях, на митингах, в Государственной Думе, то теперь священник оторван от своего окружения, не востребован народом: он лишь может выполнять «свои функции». И тот разлом, который наметился уже в XVIII веке и осуществился в начале XX столетия, далее все более и более углубляется.

Вплоть до 80-х годов XX века священство не имеет определенного образа. Оно было образом без статуса – нелегитимным, незаконным, не вписывающимся в идеологию государства, пережиток прошлого, которому нет места в «светлом будущем».

В конце 80-х годов Церковь неожиданно выходит из гетто и получает ряд свобод. В это время в российском обществе существовал неформальный консенсус о недопустимости критики деятельности духовенства. Негласный запрет на критику был продиктован сочувствием Церкви и верующим, понесшим громадные жертвы при советской власти. Духовенство находится в это время вне критики. Но в это же время «вынужденного молчания» накапливается недовольство, которое пока высказать нельзя. И в начале 2000-х, во время политического кризиса, шлюзы открылись, и компромат с негативом обрушился на головы членов Церкви и духовенства. И эта критика является результатом опошленного, обезображенного и карикатурного образа священства, созданного советской пропагандой и оторванного от своего народа¹⁷.

1. «Искушение властью»: деформация в самопонимании священника.

Несомненно, одним из главных пунктов критики духовенства Русской Православной Церкви следует назвать злоупотребление властью. Молодой, часто не имеющий опыта священник, закончивший в недавнем прошлом семинарию, где он подвергался определённому прессингу со стороны ректора, инспекторов и преподавательского состава,

---

¹⁶ «Прихожане доносили властям на духовенство и раньше: в XVII в. жалобы на пьянство, драки, брань, воровство были столь часты, что митрополиты обычно даже не назначали расследование, а доверяли челобитчикам и отстраняли дурно зарекомендовавшего себя клирика. Но в начале XX в. приход изменился, и после расследования многие жалобы оказывались ложными». - *Белоногова Ю. И.* Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века. С. 139.

¹⁷ См.: *Филатов С.* Русское православие, общество и власть во времена политической турбулентности. РПЦ после осени 2011 г. // Монтаж и демонтаж секулярного мира. – М.: РОССПЭН, 2014. С. 17.

попадает на приход, где отношение к нему совершенно иное. Он осознает себя как имеющий власть «вязать и решить», к нему обращаются за советами, а его мнение становится авторитетным в глазах верующих прихожан. Постепенно он начинает смотреть на свою паству свысока, что в конечном итоге может привести к неуважению и пренебрежительному отношению к своему стаду, что имеет разные проявления.

Во-первых, это неумение видеть себя со стороны, когда священник совершенно не следит за своей речью, высказываниями, жестами, шутками, полагая, что ему все дозволено и никакой суд ему не страшен. Часто можно видеть священнослужителей, выступающих на разного рода мероприятиях, которые даже не удосужившись подготовиться, говорят общие фразы, полагая, что сам факт его присутствия и говорения является «знаком качества». Но со стороны внешнего наблюдателя, подчас далекого от Церкви, это выглядит совершенно иначе.

Если до революции священник был органично вписан в структуру общества, был органично интегрирован в него, то теперь служитель Церкви еще не нашел своего окончательного места в новой социальной формации. Если до недавнего времени для него были закрыты государственные учреждения (медицинские, образовательные, социальные), то теперь, когда все двери для него открыты, он оказался к этому не готов. Более того, общественность и представители этих учреждений иногда оспаривают у него это право¹⁸.

Во-вторых, это «дефицит солидарности», когда священник считает нормой, а иногда даже предметом гордости, ситуацию, когда ему удастся привлечь людей, работающих бесплатно¹⁹. Более того, это считается примером «удачного» решения проблемы отсутствия средств. В статье, посвященной анализу социального служения Русской Православной Церкви, Б. Кнорре пишет:

«Не менее серьезным выражением дефицита солидарности остается проблема повышенной конфликтности в церковных организациях. Интересно, что если человек «со стороны» узнает о существовании церковных организаций, он представляет себе церковную работу в достаточно идиллическом свете. Его воображению рисуются тихие мирные люди, упорядоченные, приветливые, вежливые уже в силу своей причастности к

---

¹⁸ См., напр. сборник статей выдающегося физика-теоретика, лауреата Нобелевской премии В. Л. Гинзбурга, в которой он считает необоснованным и даже вредным «внедрение» Церкви в образовательные и научные учреждения. – Гинзбург В. Л. Об атеизме, религии и светском гуманизме. Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 168 с. (Будущая Россия).

¹⁹ См.: Кнорре Б. Социальное служение современной Русской православной церкви как отражение поведенческих стереотипов церковного социума. С. 69-120. // Православная церковь при новом патриархе / под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 415 с. – (Религия в Евразии). С. 93-94.

религиозному служению, священнослужителям церкви и ощущения церковных стен (в случае, если организация находится на территории какого-нибудь монастыря или церковного прихода). Представляется, что эти люди готовы помочь, проявить солидарность, которой не хватает в светском обществе. Однако в действительности все оказывается не так. Привычными являются прессинг, проработки, чистки, интриги, нежелание учитывать реальные интересы сотрудников.

При всей помпезной бутафории церковно-общественных мероприятий реальные люди, которые не представляют политико-дипломатического интереса для церкви или церковного пиара, часто оказываются за гранью церковного «праздника жизни», не получая ни нормальной оплаты, ни уважения внутри церковной организации. По сути ситуация наглядно воспроизводит мысль, высказанную Ф. М. Достоевским в романе «Братья Карамазовы»: «Чем больше я люблю человечество вообще, тем меньше я люблю людей в частности, то есть порознь, как отдельных лиц»²⁰.

Часто такое неуважение к пастве приводит к «синдрому выгорания» как в лице самого пастыря, так, в еще большей степени, среди сотрудников прихода, поскольку «духовенство не хочет видеть реальных проблем, нагружает сотрудников сверх меры, совершенно не думая о каких-либо человеческих ограничениях, ссылаясь на то, что церковные таинства должны от всего исцелить...»²¹.

Это неуважение к пастве священника приводит к тому, что он видит свою «профессию» как место легкого заработка, где на переднем плане выступают чисто материальные, меркантильные интересы²². Возможно, это происходит потому, что священник, ломая прежние, идеальные стереотипы, которые сложились у него в детстве, юности, школе или семинарии, и опустившись на землю, попав на приход, понимает, что жить в этом мире нужно «по-мирски», по его законам и только так. Имея авторитет среди людей²³ и зная об этом, священник подчас злоупотребляет своим статусом и словом.

Духовенство часто обвиняется также в несоответствии проповеди жизни. Несомненно, это одна из проблем, которая осознается и самим священником: говорить и

---

²⁰ Там же. С. 94.

²¹ Там же. С. 105.

²² См.: Грекулов Е. Нравы русского духовенства. – СПб.: Невзоров От Эколь, 2011. С. 8. Также ср.: «Исходя из слов Нового завета, что «трудящийся достоин мзды своея», и считая, что растрата жизни в молитвенных и богослужбных «бдениях» и есть самый важный, самый нужный, самый дорогой для человечества «труд», отцы духовные позволяют себе требовать этой «мзды своея» хлебом и маслом, курочками и яичками, дачами и домами, автомашинами и дорогим фарфором, драгоценностями и деньгами, деньгами, деньгами...». - Осипов А. А. Продолжаем разговор с верующими // Осипов А. А. Откровенный разговор с верующими и неверующими. Размышления бывшего богослова. – Л.: Лениздат, 1983. – 301 с. С. 98-99.

²³ См.: Чалдини Р. Психология влияния. – СПб.: Питер, 2014. – (Мастера психологии).

проповедовать о том, к чему сам стремишься, но пока не имеешь. А. Невзоров в своей книге «Уроки атеизма» писал: «Игра в золотые тряпочки, разговоры проникновенным голосом о душе и нравственности, о вере и вечности – это одно, а реальная жизнь – это совершенно другое»²⁴, «веры здесь нет, одно притворство. И бизнес, который нуждается в этом притворстве. И притворство, которое нуждается в этом бизнесе»²⁵.

Также совершенно очевидно, что священство нашего времени несколько дезориентировано тем, что жития святых не оказывают того влияния на умы и души верующих, как это было раньше. В связи с развитием бесчисленных СМИ и Интернет-ресурсов, обилием информации разного вида и качества, современный вне-церковный человек воспринимает святых не как образец жизни, а как одного из деятелей, «героев», а порой и как древний сказочный образ, который не имеет практически никакой корреляции с сегодняшним днем и совершенно для нашего времени не актуален.

Современное священство упрекают в том, что приводя жития святых, оно не способно оказать влияние на умы и сердца прихожан, поскольку и само не подражает им, и других к этому призвать не может²⁶. В связи с этим священство выглядит в глазах ряда критиков как место обогащения и власти, где сама вера духовенства выносятся за скобки или ставится под вопросом²⁷.

---

²⁴ Невзоров А. Г. Уроки атеизма. – М.: Издательство «Э», 2015. – 352 с. С. 55.

²⁵ Там же. С. 56.

²⁶ В весьма резкой форме об этом пишет тот же А. Невзоров: «Наверное, трудно быть в большей степени атеистами, чем непосредственно сами служители культа. Особенно это касается культа РПЦ – той огромной, по сути дела, тоталитарной секты, которой на сегодняшний день является Русская православная церковь.

При этом я глубоко убежден, что в 99% случаев, говоря о так называемой вере, мы имеем дело с абсолютным притворством. Никакой веры там на самом деле нет и быть не может. Судите сами: мы неплохо знакомы с их литературой и нормативами поведения, которые заповеданы в этой литературе, и знаем, что там сказано: «Идите и проповедуйте». Там вообще много чего сказано. Но мы видим, что из очень сложного комплекса указаний, существующего в их религии, они выбрали себе только позолоченные наряды, бижутерию и болтовню в теплых студиях.

Почему-то никто из них не идет целоваться с прокаженными, например, в лепрозории. Никто не дарит свои квартиры или автомобили бомжам. По крайней мере такие случаи науке неизвестны.

К тому же, если их так уж терзает зуд проповедования, для его утоления они вполне могли бы отправиться на территории, где еще не прозвучало так называемое слово божье, - например, Афганистан. Никто не мешает им купить билетки и поехать проповедовать там – здесь слово божье уже прозвучало и не произвело особого впечатления, к тому же они не должны останавливаться...

Тем не менее, мы видим, что никто из них никак не проявляет характерных для верующего человека особенностей. Проявляется только то, что обычно сопутствует не вере, а идеологии: злоба, агрессивность, нетерпимость, страсть писать доносы в полицию и прокуратуру, страсть обижаться, страсть устраивать истерики и страсть подгрести под себя и средства массовой информации, и книжные издательства, и вообще все, что их окружает». Там же. С. 53-54.

²⁷ Известный телеведущий В. Познер в своей автобиографической книге «Прощание с иллюзиями» пишет: «Я не устаю поражаться аморальности церкви и церковников, шокирующих несоответствием между тем, что проповедуется, и тем, что делается (это относится не только к РПЦ). /.../ По мне, лучше иметь дело с откровенным мерзавцем, ничего не проповедующим и ни во что не верующим, чем со святошей-лжепроповедником. По крайней мере, в первом случае знаешь, с кем имеешь дело». - Познер В. В. Прощание с иллюзиями. – М.: АСТ, 2015. – 480 с. С. 15. Несомненно, критика откровенных антиклерикалов малопоказательна, так как не зависит от реальности. Но в данном случае, данная критика заслуживает

Также русское православное духовенство (и вообще христианство) часто обвиняют в «злобности и хамстве», которое видят уже давно – начиная с «Ариева заушения» и заканчивая реакцией на панк-молебен Pussy Riot в Храме Христа Спасителя²⁸. Об этой «злобе», «нетерпимости», «свирепости» постоянно пишет А. Невзоров²⁹. Сейчас Церковь стоит на перепутье между двумя альтернативами: либо остаться нетерпимой к любого рода инакомыслию, остаться верной прежней традиции, четко разграничивая Истину и ересь, за что она будет критикуема и обвиняема в «злобе и свирепости»³⁰. Либо же пойти по пути знакомства и сближения (не догматического) с инакомыслящими, чтобы совместными усилиями противостоять натиску современной цивилизации с ее ценностями, за что Церковь также будет критикуема, но уже верующими консерваторами, боящихся каких-либо перемен и видящих в них измену Православию. Ярким примером здесь могут служить недавняя встреча Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла с Папой Римским Франциском, а также подготовка к Всеправославному Собору.

2. Несоответствие принципу святости/ сакральности/ отделенности.

За прошедшее столетие, российское общество практически перестало общаться со священником, и тот образ духовенства, который мы видим в публичном пространстве, – образ выдуманный. Соотнося того или иного священника с расхожими представлениями о заповедях, и видя несоответствие в результате этого соотнесения, народ выражает свои критические замечания. Они сводимы к тому, что священник не живет так, как говорит, что его проповедь и его служение не соответствует его жизни. Священник выглядит неким требоисполнителем, который выполняет свою работу, и четко его жизнь разделяется на: «в Церкви» и «вне Церкви». Священник плох, поскольку не свят, поскольку – как все, поскольку – не выделяется из общей толпы (ни внешне – кроме облачения, в котором он совершает богослужение, ни внутренним наполнением). А если иногда и выделяется теми

определенного внимания, поскольку часто именно данные люди формируют общественное сознание (через телевидение и другие средства массовой информации).

²⁸ См.: *Филатов С.* Русское православие, общество и власть во времена политической турбулентности. РПЦ после осени 2011 г. // *Монтаж и демонтаж секулярного мира* / под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 406 с. – (Религия в Евразии). С. 18-23.

²⁹ См.: *Невзоров А. Г.* Уроки атеизма. С. 26, 53, 54, 87, 88; *Он же.* Отставка господ бога. Зачем России православие? – М.: Эксмо, 2015. – 224 с. С. 9, 11-12. Также ср.: *Осипов А. А.* К духовной свободе // *Осипов А. А.* Откровенный разговор с верующими и неверующими. Размышления бывшего богослова. – Л.: Лениздат, 1983. С. 38, 41.

³⁰ Как пишет Р. Лункин: «Инаковерующие стали идеологическим антиподом православия, их образ привычно наполняется советскими стереотипами о «сектах», «сектантах» и их «главарях». На фоне страшных фобий, которые связываются с другими церквями, особенно ярок образ «золотых куполов» православия». – *Лункин Р.* Христианские конфессии в российском обществе «традиционных религий»: неизбежное «зло» и символ десекуляризации // *Монтаж и демонтаж секулярного мира* / под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 406 с. – (Религия в Евразии). С. 116.

или иными талантами – то он притворщик, потому что не святой. Эта критика сама по себе выглядит беспочвенной, поскольку народ критикует священство, опираясь не на реальность, а на некую идеальную парадигму, на жития святых, которые лишены отрицательных черт описываемого святого. А священник (также как и любой человек) никогда не сможет соответствовать этому идеалу, поэтому всегда будет критикуем за свое несоответствие принципу сакральности и святости.

Также, в этом пункте, можно видеть трансформированную дихотомию, перешедшую к нам из прошлого. Она заключается в том, что священник в глазах народа должен быть одновременно и таким, как все, и отличным от всех. Если он такой, как все, то его за это критикуют, поскольку ждут от него инаковости. Если он отличен чем-либо, то его вновь критикуют, потому что хотят, чтобы он не выделялся. Служение священника сакрально, а любая сакральность подразумевает отделенность (ср. евр. *kadosh* – отделенный, святой). Тем самым данная дихотомия: «быть как все – быть иным» порождает когнитивный диссонанс как в умах народа, так и в сознании самого священника. Если до начала XX века этот диссонанс был практически немислим благодаря сословной замкнутости, подразумевавшей отделенность (сакральность) священника³¹, то теперь, в социальном пространстве священник утратил возможность этой сакрализации и стал, как все (хотя в историческом сознании народа и в своей саморефлексии он продолжает видеть себя иным, отделенным).

3. Узость мировоззрения и внутренняя несвобода.

Третьим основным пунктом современной критики духовенства Русской Православной Церкви является то, что деятельность священства часто сводится к безынициативному и послушному требоисполнительству, что видится некоторыми наследием семинарской системы обучения. Священник выполняет свои профессиональные функции, совершает требы и Таинства, но при этом не интересуется ничем иным и очень узок в своем мировоззрении³². Эта узость проявляется в некомпетентности священника во

---

³¹ См.: *Конюченко А. И.* Русское православное духовенство во второй половине XIX – начале XX вв. // Социально-политические институты в провинциальной России (XVI-начала XX вв). Челябинск, 1993. С. 76-91; *Он же.* Приходское духовенство Оренбургской епархии во второй половине XIX – нач. XX века // Исторические чтения. 2. Материалы научных конференции «Неизвестный Челябинск» (1994) и «Церковь и религия на Урале» (1995), 1996. С. 77-83. Также ср.: «Священник как представитель другого, особого сословия всегда отличался от мирян своей «инаковостью»; поэтому во многом его деятельность была непонятна им».

³² Эта же проблема осознается остро на Западе, где ряд социологов в один голос заявляют о том, что в XX веке произошла «профессионализация» священства, что священники стали представлять собой сообщество профессионалов, исполняющих круг «профессиональных» задач и пытающихся преодолеть конкуренцию на «рынке религиозных услуг», превратились в «аниматоров в сфере религиозного обслуживания». См.: *Fichter J.*

многих областях. Часто ученость, знание заменяется и подменяется «духовностью», когда священник живет в своих узких рамках, не принимая ничего сверх того. Это один из частых пунктов критики в современном медийном пространстве, особенно в социальных сетях, когда обсуждаются те или иные поступки и высказывания священника. Во многом, как можно объяснить этот пункт критики, до недавнего времени, это было следствием того, что вплоть до 1970-х годов в семинарии не принимали после ВУЗов, потому выпускников семинарий далеко не всегда можно было назвать интеллигенцией. Также эта узорность проявляется в СМИ, когда священник произносит необдуманные выражения, компрометирующие как его самого, так и всю Церковь, или показывает свою некомпетентность, который при этом выказывает из себя «великого проповедника», знающего ответы на все вопросы.

Внутренняя же несвобода священника проявляется, по мнению критиков, в желании соответствовать запросам правящего архиерея. Поскольку инициатива снизу не поощряется, она идет всегда только сверху, то священник не имеет права голоса и вынужден соглашаться со всем, что ему сообщают со стороны священноначалия³³.

В церкви никогда не было демократии³⁴, но сейчас – как никогда ранее – голос не только мирян, но и низшего духовенства совершенно игнорируется духовенством высшим, что отмечает ряд российских политологов и социологов³⁵. И если раньше мнением народа, например, крепостного, мало кто интересовался, то теперь это является предметом больших переживаний. Иерархии не нужны голоса снизу и со стороны. И семинарии здесь становятся кузницей такого рода кадров. Обучаясь, семинаристы еще живо понимают и откликаются на эти моменты, но став священниками и попав на приход, они являются уже переработанным

Religion as an Occupation. A Study in the Sociology of Professions. – Notre Dame, 1961; *Simmel G.* Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Frankfurt/Main, 1992. S. 466; *Spaemann R.* Die Existenz des Priesters: eine Provokation in der modernen Welt // Internationale katholische Zeitschrift „Communio“. 9 (1980). S. 481-500.

³³ Как пишет в своей статье С. Филатов: «Несмотря на то, что новый патриарх допускает среди церковной интеллигенции (в основном столиц) несколько больший плюрализм мнений, жесткая авторитарная система управления, не сдерживаемая никакими внутрицерковными институтами, реально не действующими нормами канонического права, жестко ограничивает активность на приходском уровне, поощряет пассивность и холуйство. Правящие архиереи часто позволяют себе жестокий и безосновательный произвол по отношению к священникам, настоятели – по отношению к рядовым священникам, священники – по отношению к мирянам, церковным служителям и активистам. Кирилл не только до сегодняшнего не предпринял никаких мер для исправления ситуации, но и продолжает укреплять вертикаль церковной власти». *Филатов С.* Патриарх Кирилл – два года планов, мечтаний и неудобной реальности // Православная церковь при новом патриархе / под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 415 с. – (Религия в Евразии). С. 55.

³⁴ Как пишет С. Филатов: «РПЦ – принципиальный противник демократии». – *Филатов С.* Русское православие, общество и власть во времена политической турбулентности. РПЦ после осени 2011 г. С. 36.

³⁵ См. сборник статей: Православная церковь при новом патриархе / под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 415 с. – (Религия в Евразии).

материалом и готовы выполнять указы священноначалия. Несомненно, так для архиерея проще, но сама Церковь выглядит бесцветной, безголосой и малоинициативной. Священник превращается в узкого профессионала, который добросовестно выполняет свое дело, но при этом совершенно нетворческого и незаинтересованного. Все эти пункты, приводимые российскими аналитиками, и свидетельствующие, по их мнению, о внутренней несвободе духовенства, зависящего от высшей иерархии, представляются не до конца взвешенными. Нам известно много случаев, когда высшее духовенство (и чаще – именно оно) инициирует и проводит различные начинания, совершенно не лишая священства права участия в нем. Поэтому низшее духовенство имеет права выступать в средствах массовой информации, выражать свою точку зрения, писать статьи и книги. Хотя некоторые видят в этом попытку Церкви подчинить себе разные сетевые и информационные структуры.

Если вплоть до начала XX века священник был практически интегрирован в жизнь российского общества, он был его органичной и не отменной частью, то в результате революции и социально-политических потрясений, происходит если не окончательный, то все же определенный разрыв между духовенством и обществом как таковым. Предпосылками этого разрыва было, в первую очередь, замыкание священства в отдельное сословие, введенное Петром I, наделение служителей Церкви определенными полицейско-сыскными обязанностями, превратившими его в государственного чиновника и представителя власти в глазах народа, а также материальная недостаточность духовенства, повлекшая за собой подрыв его авторитета и доверия. Революция лишь усугубляет эту пропасть, вырывая священника из общественной жизни и помещая его в гетто. Советская антирелигиозная пропаганда также внесла свой вклад в эту дезинтеграцию, результатом которой стала определенная деформация в сознании как самого священника, оторванного от своей паствы, так и народа, который постепенно забывает о том, кто такой священник и каким он должен быть. Современная критика русского духовенства есть следствие данного разрыва. Священник, оказавшись в новых обстоятельствах, не способен верно идентифицировать себя и быстро перестроиться под новые социально-общественные формации. Это медленный процесс, который, возможно, рано или поздно будет преодолен. Со стороны же народа духовенство выглядит пока неким отдельным классом, который еще не вписался в общество, и образ которого до конца не прописан в общественном сознании. Этот образ сейчас находится в процессе становления. И лишь когда будет преодолен разрыв между духовенством и народом, когда духовенство вновь будет полноценно интегрировано в общество и станет органической его частью, лишь тогда многие существенные пункты

критики будут сняты, и Церковь сможет полноценно участвовать в жизни Российского государства.